

Л. Сирагуза

**ВЕПССКИЕ СЕКРЕТЫ:
ДВУЯЗЫЧИЕ, ПЕРЕКЛЮЧЕНИЕ КОДОВ И ПРАКТИКИ СОКРЫТИЯ**

АННОТАЦИЯ. Настоящая статья посвящена вопросам, касающимся секретности в языковых практиках. В рамках социальной антропологии секретность часто понимается через «эпистемологические и этические сферы», создающиеся от лица исследователя и исследовательских институтов (Jones 2014). Моя статья добавляет к этому определению еще и понимание секретности через одно- и двуязычные практики. Опираясь на собственный полевой опыт у вепсов (2009–2015), я показываю, как секретность выступает важной стратегией защиты людей, животных и окружающей среды от нежелательных событий, как секретность может изменить свой статус от средства защиты или угрозы в трансляции языка и знания от поколения к поколению у вепсов к укреплению языка через использование новых информационных технологий. В своем исследовании я обращаю внимание на ту разницу в стратегиях использования секретности, которая есть между поколениями, между городскими и сельскими вепсами, где практики утаивания и секретности связаны с разделением на устное и письменное, а также с практиками языкового переключения, которые обнаруживаются во множественных онтологических и политических отношениях языкового выбора. Мною предпринята попытка сделать шаг за пределы привычных дискуссий об экономическом влиянии на вепское языковое возрождение для того, чтобы рассмотреть малозаметные, но весьма существенные факторы, которые позитивно или негативно влияют на это движение.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вепсы, секретность, родной язык, двуязычие, устное и письменное

УДК 81:39(=511.1)

DOI 10.31250/2618-8600-2018-1-185-194

СИРАГУЗА Лаура — PhD in Anthropology, н.с., Университет Хельсинки; почетный н.с., Абердинский университет (Финляндия, Хельсинки; Великобритания, Абердин)
E-mail: laura.siragusa@helsinki.fi

ПРЕДИСЛОВИЕ

В этой статье я постараюсь ответить на вопросы, которые связаны с идеей скрытности, или даже секретности, выраженной посредством языка. В рамках социальной антропологии секретность часто понимается через «эпистемологические и этические сферы», создающиеся от лица исследователя и исследовательских институтов (Jones 2004). Я углубляю это понимание, сосредотачиваясь на моно- и билингвистических практиках. Данная статья основана на материалах, полученных в ходе полевой работы у вепсов в 2009–2015 гг.

КОНЦЕПЦИЯ СЕКРЕТНОСТИ

Секретность является социально оформленной практикой. Раскрытие секрета парадоксально само по себе: когда кто-то раскрывает секрет, он или она изменяет его важность (Herzfeld 2009: 135). В действительности секрет может быть раскрыт физически через жесты и язык тела (Herzfeld 2009; Jones 2014; Rhine 2013). Несмотря на этот важный парадокс, секретность амбивалентна тем, что смешивает вместе социальные договоренности и разногласия (Debenport 2010; Ferme 2001). Использование секретности может как регулировать отношения интимности и доверия, так и создавать напряжение и даже привести к разрыву воспроизводства социальных и культурных отношений.

Что же все-таки понимается под секретностью? Практики утаивания и сокрытия связаны с некоторыми речевыми жанрами и невербальной коммуникацией, а именно: молчанием, слухами, сплетнями, паролками, ложью, откровениями (Allison 2011; Jones 2014; Vallikivi 2012). Секретность не только неоднозначно тождественна сокрытию информации от большой аудитории, но и создает табу, двуязычные/многоязычные практики, а также устно-письменный дуализм в конкретной языковой экологии.

Секретность как социально принятый опыт среди вепсов стала мне заметна с первых дней моей полевой работы в 2009 г. Такие фразы, как: «Я тебе сейчас кое-что скажу, не говори это никому — это секрет!», мне доводилось слышать довольно часто, когда я начинала изучать язык и образ жизни вепсов. Эти фразы о тех или иных секретах можно было услышать от людей абсолютно разных возрастов, живущих как в городе, так и в деревне. Я позволю себе обратить внимание на ту разницу, которая есть между поколениями, а также между городскими и сельскими вепсами, где практики утаивания и секретности связаны с разделением на устное и письменное, а также с практиками языкового переключения, которые обнаруживаются во множественных онтологических и политических отношениях языкового выбора.

Имея это в виду, я хотела бы рассказать о вепских городских и сельских жителях и стратегиях, которыми они зачастую пользуются, чтобы сохранить (но вместе с этим и усложнить) социальный порядок через секретность.

СЕКРЕТНОСТЬ В ДЕРЕВНЕ

В деревне секретность имеет как космологическое, так и политическое значение. Жители вепских деревень зачастую используют секретность и практики утаивания как способ защиты и гарантию благополучия своих близких. Секретность, имевшая прежде характер отношений с локальной средой, обрела в ходе политических событий XX в. дополнительный политический смысл как особый способ говорения (*way of speaking*), нацеленный на обеспечение безопасности сельских жителей от нежелательных событий извне.

Жители вепских деревень склонны верить, что общение на их родном языке (*heritage language*)¹ может оказывать влияние на события их жизни, и по этой причине используют его очень осторожно (см. также: Debenport 2015; Finnegan 2007). Внимательное, что подчас означает секретное, использование вепского языка распространяется на отношения как между людьми, так и между людьми и не-человеческими существами (*non-human beings*), такими как духи и животные, обитающие на данной территории. Вепская космология включает значительное число духов-хозяев местности (Строгальщикова 2008; Винокурова 2008). Для того чтобы не огорчать их, говорили мне вепсы, важно выражать им почтение, будучи внимательными к окружающей среде, в которой они живут, — оберегать землю, держать свои дома в чистоте и порядке и стараться воздерживаться от ругательств (ПМА 2010–2015). При этом вепсы стремятся использовать то же языковое поведение и в отношении животных. Например, животные, которые считаются опасными или из-за чего-то получили негативную репутацию, не всегда называются прямо. Иногда вепсы называют их таким образом, чтобы не знакомому с локальными особенностями использования языка это не было понятно. Такая табуированная лексика, как представляется, преследует цель защитить окружающую среду и ее обитателей.

Так, пожилые люди в селах могут использовать русский язык в качестве *лингва франка*, в том числе и для защиты своих близких. Ирина, которая живет в Петрозаводске, а родом из Войлахты, центральной вепской деревни в Вологодской области, однажды рассказала мне, что она раньше проводила летние каникулы со своей бабушкой в деревне:² «Моя

¹ Автор использует сочетание *heritage language* вместо *native language*, подчеркивая связь языка с социальными и культурными отношениями и в особенности — с идеей наследования. Словоупотребление *heritage language* здесь и далее переведено как родной язык. *Прим. переводчика.*

² Ирина разрешила мне рассказать ее историю в этой статье и дала согласие на то, чтобы я указала ее этническую идентичность.

бабушка могла говорить по-вепски, и она часто использовала его в качестве “тайного языка”, так что я не могла понять, что она говорит. Она сказала, что мне это [то есть то, о чем говорила ее бабушка. — Л. С.] не нужно понимать». В действительности, то, о чем Ирина рассказала мне, происходило и со многими другими вепсами ее возраста (30-ти лет), которые родились или переехали в город со своей семьей и время от времени посещали своих бабушек и дедушек в деревне. Учитывая сталинское время и последующую политику ассимиляции, многие вепсы часто использовали практики сокрытия языка как способ защиты и гарантии благополучия близких. Секретность в виде переключения кодов стала политическим действием во многих деревнях.

Пожилые жители деревень, вовлеченные в практики утаивания, довольно часто понимают под ними оберегание соседей и членов семьи от опасностей и угроз. Благодаря двуязычным стратегиям оказывается возможным сама социальная жизнь секретности в вепских сообществах. Так, вепсы часто скрывают знание вепского языка, открыто говоря по-русски, то есть на менее действенном языке, во взаимоотношениях с духами-хозяевами местности и животными. Однако вепский язык зачастую слышен там, где обсуждаются секреты и то, что нежелательно услышать кому-то другому. В течение многих лет пожилые люди воспринимали эти стратегии как причиняющие ущерб языковому воспроизводству и устойчивости языка. Это сохраняется и сегодня, отчасти из-за того, что парадигмы и дискурс языковой устойчивости только частично и совсем недавно были восприняты в деревнях. Однако те молодые вепсы, которые прошли через школьное обучение вепскому языку и получили высшее образование, развили отличное от своих родителей и представителей старшего поколения восприятие языкового возрождения через овладение технологическими преимуществами в использовании вепской письменности, о чем и пойдет речь в следующей части статьи.

«СЕКРЕТНОСТЬ» В ГОРОДЕ

Вепский язык, согласно официальным документам ЮНЕСКО, находится «под угрозой исчезновения». Несмотря на сложности языкового возрождения, начавшегося в середине 1980-х гг. в Республике Карелия, число говорящих на вепском языке продолжает сокращаться, и, согласно переписи населения 2010 г., только 3 613 чел. из 5 936 ответили, что они имеют некоторое знание своего родного языка (Puura et al. 2013: 18; Строгальщикова 2013). Во время полевой работы я имела возможность наблюдать, как пожилые жители деревень (старше 60 лет) предпочитали быть двуязычными, то есть использовать родной диалект вепского языка наряду с русским языком, тогда как вепсы-горожане предпочитали говорить по-русски в повседневной жизни, а по-вепски — в ситуации,

когда родной язык оказывался официально одобряемым и поощряемым. Во многом благодаря тому, что возрождение языка было сфокусировано на продвижении стандартной формы, вепский язык чаще всего используется в письменности.

В самом начале моей работы в Петрозаводске, столице Карелии, я просила студентов и учеников создать диаграммы связей (*mind maps*), где они указывали набор отношений и практик языка во время их повседневной деятельности. Студенты, изучающие вепский язык в Петрозаводском государственном университете, показали однородность в таких практиках, так как они в основном пользуются русским языком в речи, и некоторые — вепским языком для приветствий и смс-переписки со своими одноклассниками и теми, кого воспринимают как близких друзей.

Выбор приветствия на вепском языке в «смсках» указывает на желание создать более тесную связь с человеком, который необязательно знает их родной язык. Благодаря этим современным технологиям вепский язык стал для них недискриминированным и знаковым языком, который используется даже в общении с теми, кто знает только русский (см.: McIntosh 2010, которая делает такие же наблюдения, работая среди гирьяма в Кении). На самом деле, приняв одну из самых последних технологических и передовых инноваций — мобильный телефон, студенты продемонстрировали, что их язык соответствует этому стандарту.

Вскоре я обнаружила, что студенты не показали еще одной линии на диаграмме, о значении которой рассказали мне и своему учителю вепского языка. Они используют вепский язык в качестве секретного в российской социальной сети *ВКонтакте*. Это скрытое использование языка коснулось практик включения/исключения билингвов, которые прежде оказывались в ситуации, когда один язык дискриминировал другой. Сегодня ситуация с «смсками» и сообщениями в социальных сетях перевернула это неравенство, восприняв двуязычную динамику. Письменность на вепском не умаляла его власть (Akkaа 2014: 285), напротив, он расширялся и получил еще и социальную ценность. Кроме того, такая практика связана с применением новых технологий среди молодежи, таких как компьютер и социальные сети (*ВКонтакте*), которые поддерживают вепскую письменность.

И последнее, на что я хочу обратить внимание, — это то, что студенты продемонстрировали независимость в продвижении вепского языка и независимость от импульса языкового движения конца 1980-х гг. (см. также: Dauenhauer, Dauenhauer 1998: 70; Eisenlohr 2004: 35–36; Henze, Davis 1999: 3–4). Через противоположные практики скрывания студенты и вепская молодежь в целом повернули новые технологии во что-то более знакомое им — место, где они могли бы использовать родной язык.

Таким образом, секретность может быть интерпретирована как то, что способствует возрождению вепских коммуникативных (в данном

случае — письменных) практик благодаря появлению новых технологий. Новые сферы соотносятся с новыми путями вовлечения и взаимодействия в постоянно меняющейся языковой экологии (*language ecology*).³ Более того, результат становится контрдоминирующим за счет того, что вепсский язык получает более высокую позицию в языковой иерархии, укрепляя свой социальный престиж и преумножая возможности его динамической и интерактивной устойчивости. Действительно, сокрытие становится решающим в дискурсе о языковой устойчивости, то есть оно понимается как практика, с одной стороны, поставившая под сомнение неравенство в социальных отношениях, а с другой — значительно усилившая социальный престиж коммуникативных практик. В этом отношении языковая устойчивость переплетается с секретностью как онтологической практикой, которая может быть оценена как успешная не только из-за межпоколенной трансмиссии, но и из-за ее жизнеустойчивости, динамичности и соотнесенности с экологией, в которой люди заявляют о своем языке.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Не пренебрегая сложностью социально-экономических факторов, которые затрудняют движения языкового возрождения, я посвятила настоящую статью секретности и парадигме языковой устойчивости. Я старалась продемонстрировать, как практики утаивания тесно связаны с моделями языковой устойчивости, имеющими внутренние противоречия. В действительности секретность включает табу, двуязычные практики, противопоставления устного письменному в динамичной языковой экологии. Я показала, как вепсы-горожане и вепсы-жители деревень вовлечены в практики утаивания и секретности и как эти практики совпадают с целями, которые ставят перед собой активисты вепсского языкового возрождения. В одних случаях эти практики поддерживают это возрождение, в других же, напротив, затрудняют. Однако ситуация не может быть описана в такой упрощенной модели, т. к. городские и сельские жители, молодое и пожилое поколение вепсов показывают разнообразие вариантов языкового возрождения, так же как и отношений с ландшафтом и языковой экологией, внутри которой они живут.

Старшее поколение вепсов предпочитает по-вепски говорить, но не писать. Это происходит именно там, где вепсы по-прежнему имеют тесные отношения с окружающей средой, в которой наряду с людьми обитают духи и животные. Большинство людей этого поколения не получили образования на вепском языке, а если и получили, то только в юности,

³ Под языковой экологией автор понимает переплетение языка с пространством, окружающей средой, идеологиями и социальными отношениями, которые приняты в данном месте и в данное время. *Прим. переводчика.*

а затем существовал сначала запрет на вепскую письменность и потом продолжительное отсутствие преподавания на родном языке.

Устная коммуникация и социализация также включают практики сокрытия и секретности. Это объясняет, почему пожилые жители деревень пользуются практиками сокрытия в отношении духов-хозяев местности, которые, как мне рассказывали, живут на той же территории, что сами люди и животные. Так, мои пожилые знакомые используют табу, иносказательные выражения и двуязычные стратегии, которые обеспечивают безопасность и социальный баланс. Такая безопасность стала насущной во время сталинского террора и в последующие годы, когда применялась политика ассимиляции.

В отличие от ситуации с пожилыми вепсами, городская вепская молодежь выросла тогда, когда ревитализационное движение уже началось, и она успешно использует стандартный вепский язык. Поэтому она может свободно и независимо использовать вепскую письменность и поворачивать ее в русло развития вепского возрождения. В частности, молодежь комбинирует секретность и практики письма, переворачивая привычные доминантные отношения власти на той многоэтничной территории, где живет. Это стало возможным отчасти из-за использования новых технологий, таких как мобильный телефон, компьютер, социальные сети, благодаря которым молодые вепсы имеют возможность развивать вепскую письменность, одновременно поднимая социальную важность родного языка. Динамика же включения/исключения создала престиж вепского письменного языка. В этом смысле молодежь также отразила, сознательно или нет, собственную возможность повлиять (*agency*)⁴ на языковую устойчивость, т. е. ею были созданы новые сферы использования вепского языка.

В завершение отмечу, что в настоящей статье показано, насколько отношения между секретностью и языковой устойчивостью могут быть сложными и многослойными. Вепсы оказываются включенными, с одной стороны, в отношения с языковой экологией (окружающая среда, политические идеологии и т. д.), а с другой — в воспроизводство языка. Я предприняла попытку сделать шаг за пределы привычных дискуссий об экономическом влиянии на вепское языковое возрождение для того, чтобы рассмотреть малозаметные, но весьма существенные факторы, которые позитивно или негативно влияют на это движение.

⁴ Автор использует термин *agency*, который не имеет точного перевода на русский язык, хотя за пределами лингвистической литературы, например в этнографической, все чаще появляется термин агентивность. Автор в серии статей, равно как и здесь, использует понятие *agency*, беря за основу идею лингвистического антрополога Лоры Эхирн, которая говорит об *agency* как о способности к действию субъектов в рамках социально-культурной медиации. В сочетании с лингвистической экологией *agency* понимается также тесно связанной с пространством, идеологиями и окружающей средой, в которых разворачивается данный акт действия и которые являются активными. Отчасти понятие *agency* близко к идее субъективности. *Прим. переводчика.*

БЛАГОДАРНОСТИ

Настоящая статья написана при поддержке проектов ERC Advanced Grant (Arctic Domus project, 295458) и Estonian Ministry of Education and Research (IUT34-32), а также Finnish Academy (HuSArctic).

Перевод с английского Д. В. Арзютова

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Винокурова И. Ю. Вепско-карельско-русские контакты в Бабевском и Вытегорском районах Вологодской области (по данным народной демонологии) // Границы и контактные зоны в истории и культуре Карелии и сопредельных регионов. Гуманитарные исследования. Петрозаводск, 2008. С. 104–115.

Вепсы: на рубеже XX–XXI вв.: по материалам межрег. науч.-практ. конф. «Вепсы — коренной малочисленный народ Российской Федерации: перспективы сохранения и развития». Петрозаводск, 2008.

Строгальщикова З. И. Вепсы: региональные особенности этнодемографических процессов 1930–2010 годы // Läänemeresoome keeled, kultuurid ja kohavaim. Pribaltiysko-finskiye yazyki, kul'tury i genius loci. Pühendatud professor Tiit-Rein Viitso 75. sünnipäevale. Tartu, 2013. P. 117–119.

Akkaya A. Language, Discourse, and New Media // A Linguistic Anthropological Perspective, Language and Linguistics Compass. 2014. № 8 (7). P. 285–300.

Allison J. Conceiving Silence: Infertility as Discursive Contradiction in Ireland // Medical Anthropology Quarterly. 2011. № 25 (1). P. 1–21.

Dauenhauer N., Dauenhauer R. Technical, Emotional, and Ideological Issues in Reversing Language Shift: Examples From Southeast Alaska // Endangered Languages: Language Loss and Community Response. Cambridge, 1998. P. 57–98.

Debenport E. The Potential Complexity of “Universal Ownership” // Cultural Property, Textual Circulation, and Linguistic Fieldwork. Language & Communication. 2010. № 30. P. 204–210.

Debenport E. Fixing the Books: Secrecy, Literacy, and Perfectibility in Indigenous New Mexico. Santa Fe, 2015.

Eisenlohr P. Language Revitalization and New Technologies: Culture of Electronic Mediation and the Refiguring of Communities // Annual Review of Anthropology. 2004. № 33. P. 21–45.

Ferme M. The Underneath of Things: Violence, History, and the Everyday in Sierra Leone. Berkeley, 2001.

Finnegan R. The Oral and Beyond. Doing Things with Words in Africa. Chicago, 2007.

Jones G. Secrecy // Annual Review of Anthropology. 2014. № 43. P. 53–69.

Henze R., David K. Authenticity and Identity: Lessons From Indigenous Language and Education // Anthropology & Education Quarterly. 1999. № 30. P. 3–21.

Herzfeld M. The Performance of Secrecy: Domesticity and Privacy in Public Spaces // Semiotica. 2009. № 175. P. 135–162.

McIntosh J. Mobile Phones and Mipoho's Prophecy: the Powers and Dangers of Flying Language // *American Ethnologist*. 2010. № 37 (2). P. 337–353.

Puura U., Karjalainen H., Zayceva N., Grünthal R. Case-Specific Report on Veps Language. Research Consortium ELDIA. Mainz, 2013.

Rhine K. HIV, Embodied Secrets, and Intimate Labour in Northern Nigeria // *Ethnos*. № 79 (5). 2014. P. 699–718.

Vallikivi L. Words and Silence: Nenets Reindeer Herders' Conversion to Evangelical Christianity. PhD thesis. Cambridge, 2012.

SECRETS OF VEPSIANS: BILINGUALISM, CODE SWITCHING AND PRACTICES OF CONCEALMENT

ABSTRACT. The present article is devoted to secrecy in language practices. In social anthropology, secrecy is often understood through “epistemological and ethical spheres”, created by the researcher or research institutes (Jones 2014). This article is to add to that understanding of secrecy with an example of mono- and bilingual language practices. Based on my own fieldwork experience with Vepsians (2009–2015), I argue that secrecy is an important strategy of protection for people, animals and the environment from undesirable events; that secrecy can change its status from the means of protection and threat in the translation of language and knowledge from one generation of Vepsians to the next, to the consolidation of language through the use of new information technologies. In this study, I emphasize the difference in the strategies of secrecy used by different generations, urban and rural Vepsians, whose practices of secrecy and concealment are connected with the ‘oral vs written’ communication and with code switching, found in many ontological and political situations of language choice. I have tried to go beyond conventional discussion of the economic impact on the Vepsian language Renaissance to be able to study the subtle, and at the same time essential factors, that have a positive or negative influence on this process.

KEY WORDS: Vepsians, secrecy, mother tongue, bilingualism, oral vs written

Laura SIRAGUSA — PhD in Anthropology, University of Helsinki; University of Aberdeen (Finland, Helsinki; Great Britain, Aberdeen)

E-mail: laura.siragusa@helsinki.fi

REFERENCES

Akkaya A. Language, Discourse, and New Media. *A Linguistic Anthropological Perspective, Language and Linguistics Compass*, 2014, no. 8 (7), pp. 285–300. (in English).

Allison J. Conceiving Silence: Infertility as Discursive Contradiction in Ireland. *Medical Anthropology Quarterly*, 2011, no. 25 (1), pp. 1–21. (in English).

Dauenhauer N., Dauenhauer R. Technical, Emotional, and Ideological Issues in Reversing Language Shift: Examples From Southeast Alaska. *Endangered Languages: Language Loss and Community Response*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1998, pp. 57–98. (in English).

Debenport E. The Potential Complexity of “Universal Ownership”. Cultural Property, textual circulation, and linguistic fieldwork. *Language & Communication*, 2010, no. 30, pp. 204–210. (in English).

Debenport E. Fixing the Books: Secrecy, Literacy, and Perfectibility in Indigenous New Mexico. Santa Fe: SAR Press, 2015, 162 p. (in English).

Eisenlohr P. Language Revitalization and New Technologies: Culture of Electronic Mediation and the Refiguring of Communities. *Annual Review of Anthropology*, 2004, no. 33, pp. 21–45. (in English).

Ferme M. The Underneath of Things: Violence, History, and the Everyday in Sierra Leone. Berkeley: Univ. of California Press, 2001, 300 p. (in English).

Finnegan R. The Oral and Beyond. Doing Things with Words in Africa. Chicago: Univ. of Chicago Press, 2007, 320 p. (in English).

Henze R., David K. Authenticity and Identity: Lessons from Indigenous Language and Education. *Anthropology & Education Quarterly*, 1999, no. 30, pp. 3–21. (in English).

Herzfeld M. The Performance of Secrecy: Domesticity and Privacy in Public Spaces. *Semiotica*, 2009, no. 175, pp. 135–162. (in English).

Jones G. Secrecy. *Annual Review of Anthropology*, 2014, no. 43, pp. 53–69. (in English).

McIntosh J. Mobile Phones and Mipoho’s Prophecy: the Powers and Dangers of Flying Language. *American Ethnologist*, 2010, no. 37 (2), pp. 337–353. (in English).

Puura U., Karjalainen H., Zayceva N., Grünthal R. Case-Specific Report on Veps Language. Research Consortium ELDIA. Mainz: Studies in European Language Diversity, 2013, 262 p. (in English).

Rhine K. A. HIV, Embodied Secrets, and Intimate Labour in Northern Nigeria. *Ethnos*, no. 79 (5), 2014, pp. 699–718. (in English).

Strogalshchikova Z. I. [Veps: Regional Features of Ethnodemographic Processes 1930–2010]. *Läänemeresooma keeled, kultuurid ja kohavaim. Pribaltiysko-finskiye yazyki, kul'tury i genius loci. Pühendatud professor Tiit-Rein* [Languages of the Baltic Sea, Cultures and the Most Local. Finnic Languages, Cultures and Genius Loci. Dedicated to Professor Tiit-Rein Viitso’s 75th birthday] Tartu: Kirjastaja, 2013, P. 117–119. (in Russ.).

Vallikivi L. Words and Silence: Nenets Reindeer Herders’ Conversion to Evangelical Christianity. *PhD thesis*. Cambridge, 2012. (in English).

Vepsy: na rubezhe KhKh–XXI vv.: po materialam mezhreg. nauch.-prakt. konf. «Vepsy — korennoy malochislenny narod Rossiyskoy Federatsii: perspektivy sokhraneniya i razvitiya» [Veps: at the Turn of the 20–21st Centuries: on Materials Inter. Sci.-Pract. Conf. “Veps — the Indigenous People of the Russian Federation: Perspectives of Preservation and Development”]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre Publ., 2008, 301 p. (in Russ.).

Vinokurova I. Yu. [Veps-Karelian-Russian Contacts in the Babevsky and Vytegorsk Districts of the Vologda Region (According to the People’s Demonology)]. *Granitsy i kontaktnye zony v istorii i kulture Karelii i sopredelnykh regionov. Gumanitarnye issledovaniya* [Borders and Contact Zones in the History and Culture of Karelia and Adjacent Regions. Humanitarian research]. Petrozavodsk: Karelian Research Centre Publ., 2008, pp. 104–115. (in Russ.).